

левой отметки у обочины дороги и достигает высоты около 1,5 м. С учетом указанного на картах места нахождения церкви, расположения естественных ориентиров, рельефа местности, наличия большого количества валунов в фундаменте сельскохозяйственного объекта, предполагаю, что остатки фундамента домового церкви необходимо искать в южной части здания для содержания скота (географические координаты 60°15'406" N, 29°19'122" E), на расстоянии около 30 м к югу от перекрестка.

В 2012 г. с целью изучения и описания уцелевших зеленых насаждений объекта выполнен осмотр имения С.П. Боткина, выявлено не менее 300 крупных деревьев (дубы, липы, лиственницы), составлен план аллей. Подготовленная документация направлена в Комитет по культуре и Ту Росимущества Ленинградской области. В мае 2012 г. состоялся совместный выезд специалистов этих ведомств, дом изъят у пользователя. В письме руководителя Ту Росимущества в Ленинградской области В.В. Корелина от 21.03.2012 г. сообщается, что «договоры аренды на объект не заключены, объект не включен в план приватизации». Председатель Комитета по культуре Ленинградской области В.Б. Богуш в письме от 19.11.2012 г. сообщил: «Разделяем Вашу тревогу по поводу ухудшающегося состояния здания. Идея создания музея в доме С.П. Боткина послужит возрождению усадьбы как культурного центра...». Озабоченность состоянием дома высказал председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям академик В.А. Черешнев, который посетил усадьбу в июле 2013 г.

С учетом статуса и состояния объекта считаю необходимым включить работы по восстановлению усадьбы в список мероприятий Года культуры, объявленного Указом Президента РФ, не допустить разрушения памятника федерального значения, передать его государственному учреждению здравоохранения или культуры, например, Военно-Медицинской академии, организовать музейную экспозицию.

М.С. Инге-Вечтомова

Петербург–Ленинград в творчестве поэта-балтийца Юрия Инге

Название конференции — Анциферовская — навело нас на мысль остановиться именно на петербургском аспекте многогранного творчества Инге. В Стрельне, где родился любящий море поэт и один из ярких людей эпохи 1930-х, Юрий Инге, существует его музей. Любое из стихотворений Инге, непременно звучащих на встречах в музее, переводит нас в мир 30-х годов, и перед слушателями встает ушедшее, подкрепляемое живыми экспонатами.

«Родился я в Санкт-Петербурге и не видал иных морей», писал Юрий Инге в стихотворении «Из биографии». Балтийское море, на берегу которого в Стрельне прошло детство поэта, сыграло решающую и роковую роль в его жизни.

После того как по радио в день объявления Великой Отечественной войны звучало стихотворение Инге «Война началась», прошло чуть больше двух месяцев до часа гибели поэта вместе с редакцией газеты «Красный Балтийский флот» при переходе наших кораблей из Таллина в Кронштадт — порт города, который Юрий Инге так любил. Он погиб, как один из многих, кто явился лицом нашей победы, кто дал ей своё имя, ведь она была победой не только великой страны, но победой каждого героя. Говоря о поэзии Юрия Инге, мы говорим о литературе времени Великой Отечественной войны, а «её назначение — быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма. Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература (как и Победа, добавим мы) имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ»¹.

¹ *Платонов А.Н.* Записные книжки: материалы к биографии. М., 2000. С. 279–280.

Наравне с гражданской и романтической в поэзии Инге звучит тема любимого возвеличиваемого города. Поэтический архетип прекрасного творения чувствуется во всей поэзии Инге. Одна из книг, вышедших при жизни писателя, в 1940 г., так и называлась — «Город на Балтике». Пройдём по городу вместе с поэтом, быть может, это даст и нам возможность увидеть истоки того света, который есть во всех его романтических стихах, что, увы, было противоестественно в те годы для официальной поэзии.

Начинаем путь от балтийского берега Стрельны. Не будем забывать о приметах времени, которые не могли не отразиться в поэзии, рукой поэтов хронографирующей во все времена действительность. Постараемся в приведенных стихотворных строках Инге увидеть присутствие города, которое представляется нам столь явным и важным

В первом же стихотворении книги встречаем то, чего уж нет. Совхоз. В Стрельне действовал немецкий рыболовецкий совхоз «Роте Фане» (это вполне соотносится с немецкими корнями Инге).

Старинный парк приморского совхоза...
Там нынче осень — золото в огне,
Глухие предоктябрьские грозы,
Букеты астр в распахнутом окне.

Будучи исключен из гимназии как этнический немец, Инге учился в какой-то, нам неизвестно, в какой, школе и встречался с девушкой из школы второй ступени, что тоже является историческим фактом. Эти школы второй ступени, возникшие после революции и просуществовавшие до 1934 г., потом стали средними общеобразовательными школами.

Здесь, на горе, у **каменного зданья**,
Где вьётся плющ, как ржавая тесьма,
Рождалась дружба, встречи и прощанья
В наивных строчках детского письма.

Нам не забыть нетопленные залы
И взрывом озарённый горизонт.
Не дожидаясь солнечного бала,
Мы убежали с братьями на фронт.

Мы отложили школьные тетради,
Со школой распрощались в этот год,

Когда великий бой при Петрограде
Гремел **на склонах Пулковских высот**.

А на дубы глядел сквозь дым флотилий
Недружелюбный берег Териок.
Тут, в парке, мы деревья посадили,
Но в те года никто их не стерёг...

Я прохожу заросшим парком снова
И слышу птичье пение в кустах,
Где поджидал я Лидию Лаврову,
Второступенку с лентой в волосах.

Мы снова здесь, случайно иль нарочно,
Но трудно нам не вспомнить в этот час
Учителей, приморский парк, ту почву,
Что под ветрами вырастила нас.

1938

Здесь, кроме сказанного, мы видим много других примет времени: **бои под Пулковом** 1917 и 19-го. Поэт не знал, что в 1941 г. снова будут кровопролитные бои там же, под Пулковом, и наши героини не пустили фашистов в Ленинград.

В стихах Инге часто лирический герой принимает активное участие в реальных событиях времени — «Мы убежали с братьями на фронт...», хотя самому поэту в 1917 г. было 12 лет, впечатление о недружелюбном берегу Териок — 1938 г., перед войной с «белофиннами».

И ещё один ракурс на берегу Балтийского моря — из Ораниенбаума, где по-прежнему есть шлагбаум рядом с морем, железная дорога пересекает около него шоссе. Вряд ли в годы, о которых помнил Инге, ещё сохранялся шлагбаум на воротах — бывшей городской заставе Ораниенбаума. Можно обратить внимание на оригинальную рифму.

У ЗАЛИВА

Сколько раз вдыхал я горький запах
Камышовых бухт Ораниенбаума,
Слышал скрип соснового **шлагбаума**,
Скрежетанье якорей трёхлапых.

...

И казалось, с поездом последним,
В умолкавшем грохоте вокзала,
Тишина, как море прибывала,
Свет мерцал на берегу соседнем.

...Бродит штурман с грозного корвета
И дымит прокуренною трубкой.

Он жалеет, что уедут скоро
В долгосрочный отпуск из Кронштадта
Стариковской выучки ребята —
Краснофлотцы нового линкора.

...

1937–1939, Кронштадт

Здесь, кроме соседнего Ораниенбаума, упоминается Кронштадт, сыгравший важную роль в судьбе Инге, и его много в стихах Инге.

Отложив собственно стихи о героических буднях морской крепости Кронштадта, процитируем стихотворение о переулке Надсона. Оно глубоко и наполнено, оно замечательно своим культурно-бытовым аспектом, в нём много слов, которые следовало бы пояснить — это всё история быта и развития техники.

Метель кружит и скачет, как борзая,
И труден **санный путь** через залив,
Туда, где в ночь январскую вмерзая,
Уснул Кронштадт, от холода простыв.

Что здесь увидишь в пору **ледостава?**..
Застывший порт сквозь **мёрзлое окно**..
Здесь жизнь течёт по **зимнему уставу**,
И нам его нарушить не дано.

Тень старины, пусть это пережиток,
Ещё хранят кронштадтские углы.
Где странно дружат с зоркостью **зениток**
Петровских пушек грозные стволы.

Пройдут года. И мы забудем скоро,
От совершенства полного устав,

Смотря на профиль гордого **линкора**²,
Как восхищал нас первый **пироскаф**³.

И чрез столетье новые поэты,
Такие прозорливые подчас,
Нам не дадут на многое ответа,
Что сохранится в памяти у нас.

Вот переулок, где бывал я лично
И трогал кисть рябины в январе,
Там **откомхоза**⁴ новая табличка
Напомнит нам о прожитой поре.

Здесь жил поэт..
Балы, молебны, музыки раскаты,
И каждый день на **Якорной парад**.
То был Кронштадт годов восьмидесятых,
Сверкающий, как парусный фрегат.

Здесь жил поэт. Его короткой жизни
Последний отблеск тихо догорал.
Здесь жил поэт, рыдавший об отчизне
И воспевавший правды идеал.

Его звучало раненое сердце,
Он прозябал и рвался в новый мир.
И с отвращением сбросил офицерский
Шитьём сверкавший павловский мундир.

Здесь в переулке старого Кронштадта,
Где **крашенные охрой флигеля**,
Мы слышим песнь годов восьмидесятых
И залп стальных орудий корабля.

Что говорить — не всякому поэту
Дано подняться в песнях над собой:
Одним мечты и горести воспеты,
Другой словами увлекает в бой.

² Артиллерийский бронированный линейный корабль.

³ Первоначальное название парохода.

⁴ Отдел коммунального хозяйства.

Здесь Надсон жил...
Я вспомнил об Островском.
Однако бросим!.. Каждому своё.
Жива тетрадь, закапанная воском, —
Почтим поэта мирное жильё!

1940, Кронштадт

Вернёмся на проспекты и улицы Петербурга — Петрограда — Ленинграда. По проспекту Стачек, или улице, как он тогда именовался, мы идём из Стрельны через Нарвскую заставу в город.

Вызвездило так, что не иначе —
Зажигать не станут фонарей.
Мы проходим улицею Стачек,
Молодость почувствовав острей.

В героическую тему вплетены Петербургские названия и приметы времени. Не будем останавливаться на всех.

Студенты, шпионы, штрейкбрехеры, — все
На верфь, на Путиловский, в Колпино,
Пусть каждая мать вышивает кисет
И копнами шиплет корпий.

Шумит наступленье в Гостином дворе
Султанами страусовых перьев:
«Слыхали, шикарный какой лазарет
На днях открывает Мэри».

1929

...Фронт повсюду. У Летнего сада,
На проросших травой площадях,
Никого не пропустят засады,
Не пропустят и не пощадят.

Петербург гвардейские тени
Выползают из тёмных углов
...И гремело балтийское — амба!
Слыша пламенный отклик — даёшь!
Через Детское, Лугу и Ямбург
Петроградская шла молодёжь.

Вы слышите, что ближайшие пригороды смелой поступью идут по стихам Инге. Одна из жемчужин поэзии Инге — «Зима в Пушкине». Каждая строчка фиксирует для нас место и время.

ЗИМА В ПУШКИНЕ

Казалось, что вот-вот засыпет
Снегами тихий городок,
Напоминающий Египет
Со стороны **ямских дорог**.

То были старые ворота...
К заставе **Царского Села**
Сто лет назад гвардейцев рота
Их на плечах перенесла.

Здесь словно в лавке антиквара
Живут минувшие века,
Забытый герб, литая чара,
Лепной карниз особняка.

Мне так знакома эта утварь
По книгам, выставкам, мечтам,
Как будто в солнечное утро
Я из **Лицея** вышел сам.

Плыл лёгкий снег. И понемножку
Входили лыжники в азарт,
А я всё ждал, что из окошка
На них прикрикнет Энгельгардт.

Каким дворцам тот флигель равен!
Вот здесь, уйдя от пышных зал,
Когда-то плакал сам Державин
И Пушкин дружбу воспевал...

И видел я, идя к воротам,
Одетым в зимний полумрак,
Как шли в **Лицей** сдавать зачёты
Грузин, зырянин и остяк.

И чтили выше всех реликвий
Старинный дом, где много лет
Сидел за партою великий,
Влюблённый в родину поэт.

1939, Пушкин

Снова вернёмся в город. Одно из самых лиричных стихотворений, и, безусловно, самое петербургское, хотя и не так много в нём о городе. Это на первый взгляд — ведь что есть воздух, которым не надышишься, не опишешь. Как автор записывает свои *традиционные* воспоминания издалека, а может, всего-то с Кронштадтского берега — о любимом призрачном городе! Стёрты грани между сном и явью, и воспоминания, как водится, объединяют всё. Именно город объединяющее начало, а не любимое нашим автором море, которое всё растворит в своих водах, в разъединяющей, гибельной для поэта стихии.

Прочтём всё стихотворение с минимальными сокращениями, чтобы снова постичь дорогие для Юрия Инге (и для нас) миры — море с хилой, но такой знакомой и родной прибрежной природой, корабли, город, любимая муза-жена.

ОПЯТЬ С ТОБОЙ

Опять осенний ливень вымыл
Береговую полосу,
Листву берёз, тычинки примул
И хвою колкую в лесу.

Мир обновлённый стал наряден,
Как в новолунье, молодой.
И гроздью синих виноградин
Нависли звёзды над водой.

Но выше звёзд в вечернем мраке
Над сизой дымкою полей
Опознавательные знаки
Пятимоторных кораблей.

Наш город вновь тебе приснится:
Его заставы и мосты,
На гордых арках колесницы
И кони редкой красоты,

Его прозрачные каналы,
Сиянье затемнённых крон.
Но и во сне б ты не узнала,
Каким предстанет завтра он.

...Тогда от нас шагов за двести
Сторожевой костёр мерцал...
Взгляни, теперь на этом месте
Ограда Зимнего дворца.

1938

И снова в стихотворении отразился мир 30-х годов — покосившиеся домишки, которых скоро сменят новые дома, сторожевой костёр тревожных лет гражданской войны, на которые пришлось вхождение в литературу автора, снова тревожное предчувствие («ведь это может быть опять»), перенесённая в 1919 г. ограда Зимнего дворца без цоколя, который, как мы знаем, пошел на Памятник жертвам революции на Марсовом поле. Собирая из разных стихотворений отрывки, мы складываем единую картину любимого города, чьи прекрасные образы застыли в отражении предвоенной поры. Вот ещё стихотворение.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Весь день режут над **речкой** монопланы,
Шумит листвою **коломяжский лес**,
Дым паровозов стелется к полянам ...
Вот здесь сходились Пушкин и Дантес.

...Кустарник. Сосны. **Старая деревня**.
Здесь всё не так, как сотню лет назад.
И видевшие многое деревья
Угрюмо и подавленно молчат.

1937 (?)

Стихотворение «Море» проводит нас чередой прекрасных улиц и площадей и приглашает зайти в один из прекраснейших музеев, который, очевидно, находясь рядом с гимназией, где учился будущий поэт, не раз открывал двери для романтика морского берега. Русский музей с его лучшими морскими залами вдохновлял поэта на новые стихи

МОРЕ

В двусветных залах Русского музея
Я с необычной жадностью глядел
На воплощенье красок Зюдерзее,
На паруса испанских каравелл.

...С утра на взморье убежав из класса,
Мы по волне чертили след,
А рулевой стоял на дне баркаса,
Сжимая самодельный пистолет.

Так возникало смутное начало
Далёкого и трудного пути.
Да, нас изрядно море покачало,
Но научило плавать и грести.

В нас был излишней гордости излишек,
И за поход на яхте в Петергоф
Во всём сословье уличных мальчишек
Лишь мы носили титул моряков.

...Всё будет вечным — верность и отвага,
И мы, раскрыв походную тетрадь,
Взойдём на бак перед поднятием флага,
Чтоб жизнь по-настоящему начать.

1940

Героика, выглядывающая из строк прозвучавшего стихотворения, имела корни в юности, прошедшей в Стрельне, рабочим районом Нарвской заставы соединённой с городом. От соснового шлагбаума Ораниенбаумской заставы до заставы Нарвской.

ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

У железной триумфальной арки,
Где дорога ускоряет бег,
Дымом закопчённые хибарки
Скучный свой заканчивали век,

...Не тогда ль я полюбил впервые
Этот край в его ночной красе,
Путь от верфи, глыбы верстовые
У излучин тёмного шоссе.

...А вдали, где стягивает туго
Пустыри трамвайная петля,
Город мой сворачивает к югу,
Новыми дорогами пыли.

...Теплоход, зачаленный вплотную
К бурым Турухтанным островам, —
Всё здесь незнакомо и волнует,
Этот мир не примелькался нам.

1939

Пройдя по городу, мы вернулись к Нарвской заставе. Но впереди ещё есть несколько лет жизни, когда поэт надеется на лучшее, хотя и предчувствует свою судьбу, как многие поэты. Вот видение города страшного 41-го года, когда призрачность красоты подчёркнута мрачным обрамлением.

ПОЛНОЧЬ

Опять дорогой круговой
Иду по улицам, тревожась,
Стоят ли сфинксы над Невой
У Академии художеств.

Давно мосты разведены,
А там, где неба полуциркуль,
Как предисловие страны
Кронштадт мне машет бескозыркой.

Все спит. Сквозь синеватый дым
Глядят на запад батареи.
Он горд сознанием молодых,
Что никогда не постареет.

И волны отбивают ямб
Ночной таинственной поэмы.
Воды и неба по краям
Расставлены штыки и шлемы.

Замаскирован часовой
Листвы тончайшей филигранью,
Но у меня над головой
Его негромкое дыханье.

Все говорит о прошлых днях,
Навек оставшихся в помине,
О бурях, крови и огнях,
Немеркнущих поныне.

О спящий город! Над Невой
Ты столько лет стоишь, как песня.
Привратник мира, часовой,
Страны моей ровесник!

1941

Многие стихи Инге отмечены любовью к городу, во многих присутствует петербургский материал, встает образ города. Мы лишь наметили тему, но стоит внимательно прочесть стихи Инге и увидеть в них любовь к Петербургу, в котором он родился, к Ленинграду, за который он погиб.

Е.В. Нестерук

Неизвестная часовня на Крестовском острове

Среди многочисленных островов, на которых расположен Санкт-Петербург, только три зовутся «Островами» с большой буквы. Каждый петербуржец былых времен прекрасно понимал, что речь идет о центральных островах Невской дельты — Каменном, Елагинном и Крестовском (в советское время — Кировские острова). Историк Г.А. Немиров отмечал, что «в «Писцовых книгах 1500 г. на Невском взморье обозначены три крупных острова: «Васильев» (ныне Васильевский с о. Голодай), «Фомин» (ныне Петроградский с Аптекарским и Петровским) и некий «Сандуй»¹. Автор предположил, что это необычное название «пять веков назад имел единый остров, объединявший нынешние Елагин, Каменный и Крестовский острова». «Сандус» по-вепски означает «спелые травы». Возможно, на всех трех островах с давних времен располагались покосы. Во всяком случае, на Крестовском это было именно так.

На «Плане Крестовского острова владения князя Белосельского-Белозерского»², хранящемся в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, наряду с лесами, садами и пашнями показаны и покосы. Карта эта до сих пор датирована не была. Скорее всего, она появилась не ранее 1877 г. и не позднее 1887 г., так как, кроме садов, пашен и лесов, на ней отмечен и ряд улиц, впервые получивших названия в 1877 г., например, Надеж-

¹ Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга, 1703. СПб., 2004. С. 344.

² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 302.